

Макарова Любовь Михайловна

ИДЕОЛОГИЯ ГЕРМАНСКОГО НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Специальность 23.00.01 - Теория политики, история и методология политической науки
(по историческим наукам).

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань 2005

Работа выполнена на кафедре истории зарубежных стран в новое и новейшее время государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сыктывкарский государственный университет» Министерства образования и науки Российской Федерации

Официальные оппоненты

доктор исторических наук профессор
Патрушев Александр Иванович (МГУ)

доктор политических наук профессор
Мухарямов Наиль Мидхатович (КГЭУ)

доктор исторических наук профессор
Мягков Герман Пантелеймонович (КГУ)

Ведущая организация – Ивановский государственный университет

Защита состоится **15 декабря 2005 г.** в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.17 по присуждению ученой степени доктора исторических наук в Казанском государственном университете по адресу: 420008 Казань, ул. Кремлевская 18, кор.2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета..

Автореферат разослан «28» октября 2005 г.
Ученый секретарь диссертационного совета
доцент

А.Г.Циунчук

Актуальность темы обусловлена не только исключительной живучестью основных нацистских идей, навязывающих особое, агрессивное видение мира. На сегодняшний день эта актуальность усилена возникновением нового способа губительного воздействия на человечество, терроризмом, подрывающим самую основу безопасного существования людей на земле. Помимо этого, актуальным является рассмотрение способов конструирования этих идей, средств и масштабов их внедрения и восприятия. Нацистская идеология создавала силовое поле, в которое попадал человек, поэтому при ее изучении возникает вопрос не только о способах восприятия, но и об уровне устойчивости нравственных качеств личности, оказывавшейся в условиях высокой степени давления, о возможности сохранения этой личностью системы прежних гуманистических ценностей.

Исследованию нацистской идеологии посвящена огромная литература, хронологические рамки ее появления охватывают период от 30-х гг. XX в. по начало XXI в. Изучением идеологии занимались представители разных научных дисциплин, однако целостной картины пока нет, поскольку ориентация исследователей была, как правило, не на выявление целостности идеологии, а лишь на разработку вопроса в рамках своей дисциплины и на критику отдельных наиболее порочных идей, методов их внедрения, полученных результатов. Связи между разнородными элементами нацистской идеологии оставались на уровне констатации, поэтому с равным успехом могли признаваться или отвергаться.

Следует учитывать, что научный поиск в начале XXI века характеризуется качественными изменениями в области эпистемологии, повышением интереса к собственно познавательному процессу, пониманием недостаточности прежнего знания и необходимости совершенствования методов его получения.

Объектом исследования является фашизм как социокультурное явление.

Предмет исследования - нацистская идеология, ее сущность, содержание, структура и историографические интерпретации.

Цель работы – выявление сущности, способов конструирования и внедрения нацистской идеологии в захваченное германским фашизмом социокультурное пространство.

Задачи исследования:

- рассмотреть динамику осмысления проблемы идеологии в историографии, появления в ней как новых тем исследования, так и смены парадигм изучения;
- выявить соотношение между содержанием и структурой идеологии, проанализировать особенности ее функционирования, возможности перевода идей в иррациональную плоскость и роль знаковой системы в этом переводе;
- рассмотреть сформулированные этой идеологией принципы создания нацистской картины мира и ее идейного обоснования;
- проанализировать особенности нацистской интерпретации новой, идеологически заданной структуры общества, конструировавшегося в Германии и на оккупированных территориях;
- выявить основные характеристики нацистской модели человека в его «сверх-» и «недо-» разновидностях с точки зрения его исторического, социального, телесного и духовного проявлений.

Теоретико-методологическая основа работы. На первое выдвигается системный анализ, позволяющий поставить вопрос о целостности нацистской идеологии. Возможность соединения разнородных явлений через принцип построения единого семантического пространства рассматривал, в частности, Л.Витгенштейн. Одновременно он обращал внимание на «невыразимость» явлений, подчеркивал недостаточность логических построений для их познания¹. В этом случае отношения и структуру реального языка можно выразить на языке символов².

Особое место занимают в этой группе работы, посвященные содержательной стороне основных философских категорий. В данном случае речь идет о категориях пространства и времени, а также о языке идеологии, исследуемом в семиотической парадигме³.

¹Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Он же. Философские исследования. // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. /Пер. с нем. М., 1994.

² См. об этом: Гусев С.С. Смысл возможного: Коннотационная семантика. СПб., 2002. С.306-309.

³ См., в частности: Аветян Э.Г. Семиотика и лингвистика. Ереван, 1989; Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. /Пер. с фр. М., 1989; Он же. Мифологии. /Пер. с фр. М., 1996; Соломоник А. Язык как знаковая система. М., 1992; Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987.

Однако система – не просто устойчивый «скелет» объекта, а совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить второй, третий и последующие путем перестановки его элементов и некоторых других симметричных преобразований. Происходит переход от явления в целом к его структуре. Главную роль при обеспечении взаимосвязи идеологии с программой и пропагандой играет операция преобразования. Она позволяет вывести духовные идеологические образования из их материально-социальной основы, выявить постоянно меняющееся соотношение между подсознанием и сознанием в общественном поведении и действии.

Для этого необходимо представить иную организацию элементов идеологии, где собственно идеям отводится второстепенное место относительно интегративных (синтезирующих) качеств. Основные элементы идеологии тогда, вне зависимости от их выражения, предстают в качестве совокупности, которую можно для удобства изучения обозначить понятием текста – в данном случае системы, имеющей знаковую природу и способной быть носителем смысловой информации. В этом случае нацистская идеология вновь, но уже на другой основе, предстает как единое целое, как саморазвивающаяся система, имеющая собственные законы.

Хронологические и географические рамки работы. Исследование охватывает период с 20-х годов XX века, времени зарождения нацизма, до середины 40-х годов, времени поражения фашистской Германии и ликвидации ее политической системы. Географические рамки определяются пространственным распространением нацистской идеологии (территория Рейха, оккупированные территории, территории, охваченные фашистской пропагандой).

Источниковая база исследования. Потребности исследования подразумевают обращение к самому широкому спектру источников, подразделяемых на письменные, изобразительные (наряду с графическими и художественными к ним относятся так называемые натуральные – жесты и ритуалы), вещественные (предметы, относящиеся к нацистской символике: флаги, униформа и ее атрибуты – значки с изображением свастики, орла, меча, дубовых листьев).

Соответственно периодизации истории нацизма, целесообразно выделить следующие этапы возникновения источников: время становления нацизма – с начала 20-х гг. до 1933 г.; его пребывания у власти – 1933-1945 гг. и, наконец, появление публикаций после 1945 г. Такое деление позволяет рассмотреть не только динамику формирования идеологии до 1933 г., но и ее трансформацию в условиях практического применения, а также ее оценку в мемуарах и дневниках, написанных как бывшими нацистами, так и их убежденными противниками. Все источники, таким образом, рассматриваются также с точки зрения их аксиологического (ценностного) противостояния, подразделяясь на нацистские и антинацистские.

Три основных источника появились в период с начала 20-х гг. до 1933 г.: программа НСДАП, в которой идеология представлена неявно, через обоснование функциональной заданности перечисленных в ней мероприятий; книга А.Гитлера «Моя борьба»⁴, где главное внимание уделено структуре и принципам пропаганды, нацеленной на интерпретацию основных идеологических постулатов, и книга А.Розенберга «Миф двадцатого столетия», уже полностью посвященная содержательной стороне идеологии. До 1933 г. идеологические проблемы содержались также в отдельных высказываниях Гитлера, записанных Г.Раушнинггом⁵, в устных выступлениях и публикациях Розенберга и других нацистских лидеров.

Специфика периода пребывания нацистов у власти – появление в массовом масштабе нацистской художественной продукции, содержание и смысл которой полностью ориентированы на интерпретацию идеологических установок, касающихся проблемы человека и его места в мире нацизма. Основательную идеологическую нагрузку несли нацистские документальные фильмы, прежде всего работы официального режиссера нацистской Германии Л.Рифеншталь. Имеются в виду ее фильм «Триумф воли», и в меньшей степени «Олимпия»⁶.

К этому периоду относится значительное количество фотодокументов. Особое место среди них занимают фотографии, запечатлевшие, несмотря на существовавшие запреты, экзекуции над населением оккупированных стран, а также предъявленные Нюрнбергскому трибуналу снимки нацистских экспериментов с человеческим телом и останками. Это – важный источник для суждений о масштабах моделирования телесности и о качественной оценке смерти в нацистских концепциях человека. С точки зрения идеологической интерпретации телесности и социальной роли нацистского

⁴ Hitler A. Mein Kampf. Jubiläumsausgabe. München, 1939.

⁵ Раушнинг Г. Говорит Гитлер. //Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. .

⁶ Triumph des Willens; Olympia /L.Riefenstahl. (Ufa, 1935; 1938).

человека представляют интерес работы официально признанных скульпторов и художников – А.Брекера, А.Вампера, Й.Торака, А.Висселя, С.Хильца.

Пространственные характеристики создававшегося нацистами мира отражены в работах архитекторов, особенно П.Трооста и А.Шпеера⁷ и в небольшом количестве архивных изобразительных материалов, схематически показывающих размещение участников (эсэсовцев и членов их семей) на праздниках зимнего и летнего солнцестояния, с описанием соответствующих ритуалов, с текстами песен⁸.

Нацистская идеология была ориентирована, прежде всего, на трансформацию ментальности человека. Информацию о результатах этого процесса можно получить из мемуаров – как бывших нацистов, так и рядовых жителей Германии, и особенно бывших узников нацистских концлагерей. Авторами анализируемой группы концлагерных мемуаров являются австрийские психологи Б.Беттельхейм и В.Франкл⁹, немецкий художник Г.Грундиг¹⁰, французская пианистка, обладательница первого приза Парижской консерватории Ф.Фенелон¹¹, политзаключенные М.Фритц (Австрия) и Л.Хааг (Германия)¹², польская студентка С.Шмаглевска¹³.

Научная новизна исследования заключается, в первую очередь, в создании комплексного, междисциплинарного подхода к проблеме. В этом случае модель собственно идеологии предстает как сложная система, состоящая из нескольких подсистем, в свою очередь распадающихся на связанные между собой еще более мелкие составляющие. Условно это можно обозначить как единство суб- и суперструктуры идеологии. Такой подход позволяет дать иную структурную характеристику идеологии, которая, в свою очередь, по-новому освещает нацистские представления о созданном ими мире и о человеке в этом мире – человеке историческом, социальном и экзистенциальном.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Исследование может послужить основой дальнейшего изучения идеологической системы нацизма, может быть использовано в лекционном курсе по новейшей истории, политологии, социальной философии, в практических и семинарских занятиях, посвященных механизмам конструирования реакционных идеологий и способам их практического воплощения. Часть работы, в первую очередь методология, вошла в спецкурсы, посвященные реакционным идеологиям XX века, гендерным исследованиям, отдельные материалы использованы в курсе по культуре новейшего времени.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы изложены в монографии, научных статьях. Отдельные разделы диссертации послужили основой докладов на следующих научных конференциях (материалы опубликованы):

- Семиотика культуры: III Всесоюзная летняя школа-семинар. Сыктывкар, 15-20 сентября 1991 г.
- Духовная культура: Проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция. Сыктывкар, 11-14 мая 1994 г.
- Германия в XX веке. Проблемы истории, историографии и преподавания. Региональная научно-методическая конференция, посвященная памяти Н.С.Черкасова. Томск, 25-26 октября 1994 г.

⁷ Изображения нацистской изопродукции и архитектурных сооружений помещены, в частности, в следующих изданиях: Brenner H. Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus. Hamburg, 1963; Wulf J. Die Bildenden Künste im Dritten Reich. Gütersloh, 1966; Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994; Москва-Берлин /Berlin-Moskau, 1900-1950.

⁸ Eilumlauf // Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф.500. Оп.1. Д.260 б. Л.121-125; Programm für die Wintersonnenwendfeier des SD-Hauptamtes und der Sicherheitspolizei. // Там же. Л. 137-139; Aufmarschplan Wintersonnenwende Bernau, 1937. // Там же. Л. 141. Programm für die Sommersonnenwendfeier im Bereich des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD- Hauptamtes RFSS // Там же. Ф.500. Оп. 1. Д.260 б. Л.29-34.

⁹ Bettelheim B. The informed heart: Anatomy in a mass age. London, 1961. Сокращенный русский перевод: Беттельхейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2-6; Франкл В. Человек в поисках смысла. Ч. II. Общий экзистенциальный анализ: Психолог в концентрационном лагере. М., 1990. С.130-156.

¹⁰ Грундиг Г. Между карнавалом и великим постом: Воспоминания художника. М., 1963. Как и некоторые из его художественных полотен (например, «Жертвам фашизма»), мемуары имеют посвящение – напоминание об одном из погибших друзей. В данном случае это А.Айниг, как и Грундиг, бывший узник Заксенхаузена.

¹¹ Fenelon F. (Подлинная фамилия Goldstein). Sursis pour l'orchestre. Paris, 1976. Воспоминания записала М.Рутье.

¹² Фритц М. Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау // Фритц М., Юрза Г. Да здравствует жизнь! М., 1988. С. 3-132; Хааг Л. Горсть пыли. // Пер. с нем. М., 1987.

¹³ Szmaglewska S. Dymy nad Birkenau. Warszawa, 1963.

- Империи нового времени: типология и эволюция (XV- XX вв.) Вторые Петербургские кареевские чтения по новистике. 22-25 апреля 1997 г.
- Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы /XV-XXI вв. Третьи Петербургские кареевские чтения по новистике. 6-9 декабря 1999 г.
- Германия и Россия: события, образы, люди. Международная научная конференция «Россия и Германия: опыт и уроки отношений в XIX-XX вв». Воронеж, 22-23 апреля 2000 г.
- Историческое знание и интеллектуальная культура. Научная конференция. Москва, 4-6 дек. 2001 г.
- Мир за колючей проволокой: лагерь как атрибут тоталитарного режима: Российско-германский семинар. Воронеж, 16-22 апреля 2002 г.
- Философский век. Науки о человеке в современном мире. Международная конференция. Санкт-Петербург, 19-21 декабря 2002 г.
- Этническое единство и специфика культур. Первые Санкт-Петербургских этнографические чтения. 23-25 декабря 2002 г.
- Гендерная теория и историческое знание: Международная научно-практическая конференция. Сыктывкар, 24-25 сент. 2003 г.
- Свой-чужой в межкультурной коммуникации. Международный научно-практический семинар. Воронеж, 10-11 декабря 2004 г.
- Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». Ставрополь, 28-29 апреля 2005 г.
- Татарстан в годы Великой Отечественной войны: люди, события, память. Казань, 12-14 мая 2005 г.

Структура работы определяется характером и последовательностью поставленных задач. В первую очередь интерес представляет динамика историографического исследования идеологии нацизма. Поскольку речь идет о политической идеологии, рассматриваются те ее составляющие, которые в совокупности охватываются понятием «философия истории» и содержат ответы на вопросы о смысле, закономерностях, основных направлениях исторического процесса в его пространственном и временном измерениях. С антропологической точки зрения в центре истории всегда стоит человек, поэтому содержание идеологии организуется вокруг основной проблемы – объяснения мира и человека в этом мире. Человек в идеологии представлен не только в качестве объекта наблюдения, но подразумевается также его собственная оценочная позиция. Помимо этого, человек рассматривается в трех парадигмах – исторической, социальной и экзистенциальной, его внутренний мир не всегда симметричен обстоятельствам жизни.

Материал исследования организован следующим образом: во введении представлена связь между спецификой источников и соответствующим этой специфике методом исследования. Первая глава содержит историографическое осмысление основных сторон идеологии. Вторая глава посвящена анализу идеологии с точки зрения ее сущности, способов конструирования и внедрения. Далее, в третьей, четвертой и пятой главах анализируются главные направления идеологической интерпретации человека как ведущей цели идеологии: человек с точки зрения исторического процесса в его нацистском понимании, человек социальный и, наконец, человек экзистенциальный. В связи с этим возникает некоторая неизбежность повторений, поскольку одна и та же информация рассматривается в разных парадигмах. В заключении подводятся итоги исследования.

Основное содержание работы

Во **Введении** дано обоснование, актуальность, научная новизна и практическая значимость темы диссертации, проанализирована степень изученности проблемы, определены хронологические рамки, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризованы источниковая база и методологическая основа исследования.

Раздел первый. ИСТОРИОГРАФИЯ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

Исследованию нацистской идеологии посвящена огромная литература, хронологические рамки ее появления охватывают период с 30-х гг. XX в. по начало XXI в. Интерес в данном случае представляет хронология появления работ, ее зависимость от политической ситуации в мире и от системы ценностей исследователей. Для удобства анализа эту литературу целесообразно систематизировать по нескольким показателям - не только временному, но также тематическому и концептуальному.

Историографическое поле структурировано по универсальному критерию – методологическим установкам: появлению новых подходов в соответствии с изменением системы ценностей, в силу национальной специфики или за счет развития научной методологии. Последнее обстоятельство предусматривает анализ трудов с позиций конкретной научной дисциплины, поскольку они представлены отечественными и зарубежными исследователями не только разных стран, но и разных специальностей, и различной политико-философской ориентации. С этой точки зрения в ней можно выделить светских и церковных исследователей, консерваторов, либералов или демократов. Основное значение, однако, имеет вопрос о том, насколько авторы работ продвинулись в раскрытии сущности изучаемой реальности.

В данном случае привлечены труды, принадлежащие противникам нацизма, исследователям, находящимся на антифашистских позициях. Авторами многих научных сочинений, особенно раннего периода, также стали прежние узники нацистских концлагерей, так что проблема нацистских преступлений в историографии первых послевоенных лет заняла доминирующее положение. Со временем научные труды о концлагерях приобрели обобщающий характер, нацистский пример рассматривался в них как один из элементов единой картины политического и расового террора¹⁴.

Основная группа работ характеризуется органичной связью с источниками по идеологии нацизма. Ее можно разделить на две части - работы об информационном языке источников и труды о собственно идеологии, ее структуре, содержании и функциях. Работы, относящиеся к первой части, либо непосредственно посвящены анализу нацистских источников, иными словами, принадлежат к разряду источниковедческих, либо базируются на их содержании. Таковы труды Г.Гримма, И.Феста, З.А.Земана, Р.Сесла¹⁵. Как правило, понятийный аппарат в них не разрабатывается, это чисто исторические сочинения, в которых ключевые понятия представлены на интуитивном уровне. В них анализируются нацистские идеи и пропаганда этих идей в конкретном, событийном выражении.

Частично эта тематика остается актуальной и в 60-е гг., но рассматривается на ином теоретическом уровне, с применением системного анализа. В историографии максимальный интерес тогда вызывает проблема функционирования идей.

Историографическая ситуация меняется при постановке вопроса о целях идеологии. До начала 70-х гг. историки считали основной целью нацизма создание «нового порядка» - навязывание собственного миропонимания вначале Европе, а в перспективе и всему остальному миру. После второй мировой войны эта проблема рассматривалась в стандартных геополитических категориях, однако постепенно, за счет привлечения лингвистических данных и перевода исследований в парадигму теории идеологии (Дж.Томпсон), возникла возможность изучать «новый порядок» уже как хронотоп, пространственно-временной континуум¹⁶. В свою очередь, рассуждения о временных параметрах вызвали волну интереса к роли хилиастических идей в тоталитарных идеологиях (Н.Кон, М.Баркин) и в значительной степени спровоцировали повышенное внимание к иррациональным компонентам в идеологии нацизма¹⁷.

Об иррациональной стороне нацистской идеологии часто пишут специалисты по истории религии (Р.Патри), а также религиозно ориентированные исследователи, без особого различия конфессиональной принадлежности (А.С.Данкен-Джоунз)¹⁸. В 60-80-е гг. в ряде работ профессиональных историков высказывались суждения относительно принципов конструирования нацистской идеологии, в частности, включения иррациональных компонентов с целью усилить ее

¹⁴ См., в частности: Kaminski A. Konzentrationslager 1896 bis heute: Eine Analyse. Stuttgart, 1982; Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний /Пер. с фр. М., 2003. Работа написана в 2000 г. Проблему преодоления нацистского прошлого, в том числе концлагерей, в сознании германского населения поднимает в своей работе А.И.Борозняк. См.: Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.

¹⁵ Фест И. Указ.соч.; Grimm G. Der Nationalsozialistische Programm und Wirklichkeit. München-Wien, 1981; Zeman Z.A.B. Nazi propaganda. London, 1965; Cecil R. The myth of the master race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology. London, 1972.

¹⁶ Thompson J.B. Studies in the theory of ideology. Cambridge, 1984.

¹⁷ Cohn N. Les fanatiques de l'Apocalypse. Paris, 1962; Barkin M. Disaster and the millennium. New Haven - London, 1974.

¹⁸ Patry R. La religion dans l'Allemagne d'aujourd'hui. Paris, 1926; Duncan-Jones A.S. The struggle for religious freedom in Germany. London, 1938.

воздействие на массовое сознание¹⁹. Расшифровку влияния националистических идей на подсознание предлагает Дж.Мосс, в 60-70-е гг. главный редактор американского «Journal of the History of Ideas»²⁰. В конце 80-х гг. появилась работа известного итальянского политолога Дж.Галли, исследовавшего эзотерические компоненты идеологии нацизма²¹. Оба исследователя рассматривали влияние оккультных учений на идеологов нацизма – от Гитлера до Гимmlера и Дарре. К ним примыкают работы, отражающие качественную сторону используемых идей – труды о роли и сущности мифа²², об утопии и ее значении для идеологического конструирования²³.

Материализм априорно делал невозможным в научных сочинениях рассмотрение нацистской эзотерики, исключая таким образом из поля зрения исследователей солидный пласт нацистского идеологического конструирования. Между тем радикальный рационализм, в сущности, так же идеологичен, как эзотеризм, поскольку он предваряет исследование, а не исходит из него. Изучение работ не только рационалистов, но и герметистов позволяет создать насыщенное историографическое поле, что в перспективе обеспечивает достаточно полную синтетическую картину нацистской идеологии.

В отечественной и зарубежной рационалистической историографии проблема восприятия нацистских идей первоначально характеризовалась исключительно как успехи или неудачи пропаганды. Несколько иначе решался этот вопрос зарубежными исследователями в области социологии и психоанализа²⁴. Их работы, выполненные в разное время, объединяет стремление проанализировать иррациональность как лишь одну из сторон человеческого восприятия. Рассмотрение подсознательных реакций человека вынудило обращение отечественной историографии на рубеже XX – XXI вв. к философии эзотерики, хотя пока достаточно робкое²⁵. Между историографией и источниками в этом случае уже не прослеживается прямой связи, историография становится асимметричной относительно источниковой базы.

Хотя претендующие на исключительность идеологии ставят своей целью создание соответствующего типа человека, сама по себе эта проблема в научных исследованиях появляется довольно поздно. Лишь в 60-е гг. начинает широко применяться термин «новый человек», который в антифашистской историографии воспринимается как условный. В 60-70-е гг. много внимания в этом смысле уделялось СС. Мнение об СС как организации, в которой создается и функционирует нацистский «новый человек», разделяется исследователями и в 70-е гг.²⁶. На примере этой организации они показывают связь между нацистским «новым человеком» и «новым порядком», подчеркивая, что именно на СС возлагалась задача как завоевания «жизненного пространства» - осуществления курса на мировое господство – так и уничтожения «недочеловеков», в первую очередь цыган и евреев²⁷. В теоретическом плане оно может быть дополнено социологическими работами по истории элиты²⁸.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Макарова Л.М. Связь идеологии и практики во внешней политике германского фашизма (историографический аспект) //Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Межвузовский сборник. Сыктывкар, 1996. С.117-131.

²⁰ Этому посвящена его специальная работа: Mosse G.L. The Mystical Origins of National Socialism //Journal of the History of Ideas. V.XXII. 1961.№ 1.

²¹ Galli G. Hitler e il nazismo magico. Milano: Rizzoli, 1989.

²² В первую очередь здесь целесообразно перечислить труды М.Элиаде. См., в частн.: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000; Он же. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998; Он же. Мифы, сновидения, мистерии. Рефл-бук, Ваклер, 1996.

²³ Манхейм К. Идеология и утопия. Ч. 1-2. /Пер. с нем. М., 1992; Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. М., 1991; Шацкий Б. Утопия и традиция. /Пер. с польск. М., 1990.

²⁴ См., в частн.: Канетти Э. Масса и власть //Канетти Э. Человек нашего столетия. М., 1990; Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М., 1996; Райх В. Психология масс и фашизм. М., 1997; Adorno Th. et al. The authoritarian personality: Studies in prejudice. New York, 1969. Все перечисленные работы рассматривают проблему изменения восприятия человека, оказавшегося внутри организованной или неорганизованной массы.

²⁵ См.: Дискурсы эзотерики (философский анализ). М., 2001.

²⁶ См., в частности: Maltitz H. Op.cit. P. 214; Steinert M.G. Op.cit. P.41; Biddiss M.D. Op.cit. P. 230-232.

²⁷ См. об этом: Reider F. Histoire de la SS. Paris, 1975; Wulf J. Heinrich Himmler. Berlin, 1960.

²⁸ См., в частности, работы признанных теоретиков в этой области: Mosca G. The ruling class //Images of man: the classic tradition in sociological thinking. N.Y. № 5. P.195-224; Pareto V. Elites forse and governments. //Ibid. № 9. P. 264-271. Непосредственно о Германии вопрос разбирался в работе: Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919-1961. München, 1965.

В 70-е гг., в связи с актуализацией проблемы человека, политическая парадигма вопроса вновь становится симметрична научной. Усиливается интерес к проблеме прав человека, и одновременно в историографии проявляется так называемый «антропологический поворот», при котором на первый план исследований выдвигается человек в его как экзистенциальном, так и социальном проявлениях²⁹. Осмысление нацистской идеологии как единого целого, предполагает, таким образом, привлечение данных смежных дисциплин, также занимающихся проблемой мира и человека – психологии (включая этнопсихологию), лингвистики, социологии, частично биологии (в том числе космобиологии). Человек в работах В.А.Подороги, И.Я.Биска, И.М.Быховской, В.Д.Лелеко рассматривается с точки зрения его телесности, повседневного поведения, отношения к смерти³⁰. Эта тенденция сохраняется и на рубеже XX-XXI веков. «Антропологическая» ориентация истории, наряду с проблемами исторической памяти и исторического сознания, была отмечена как перспективная участниками XIX Международного конгресса историков 2000 года³¹.

Внимание к проблеме человека вновь выдвинуло на первый план среди источников мемуары - как нацистов (Г.Шольц-Клинк, А Шпеера, Р.Хёсса), так и их политических противников (Ф.Фенелон, Б.Беттельгейма). В новой парадигме стали рассматриваться прежние источники, в частности, существенно больший интерес вызвали труды нацистского специалиста по евгенике Р.В.Дарре. Если прежде проблема человека интерпретировалась лишь с точки зрения создания нацистами бинарной модели (сверх- и недочеловека), то на сегодняшний день проблема личности в условиях нацистского господства переросла тернарную модель, с ее интересом к проблеме повседневности, и постепенно смыкается с гендерными исследованиями (Ф.Грубе, Г.Рихтер, В.Клозе, К.Витрок), в том числе применительно к ситуации в концлагерях³². В итоге большое внимание уделяется формированию особого типа арийской телесности, со свойственными лишь ей знаковыми характеристиками. Насколько можно судить по существующим работам, в этом последнем случае доминирующие явления исследуются в феминистском ключе, речь идет лишь о положении женщины в нацистском обществе, частично об особенностях женского опыта и представлений³³. Исключением являются работы, посвященные истории семьи в разные исторические периоды³⁴. Однако обособленное изучение лишь «женской» истории мало продуктивно, оно не позволяет составить единую картину социального и культурного взаимодействия обоих полов³⁵.

На рубеже XX-XXI веков традиционное представление о научном познании, при котором позиция говорящего не рефлексировалась, постепенно заменяется четко выраженным обращением к собственному авторскому методу и соответственно к пониманию относительности любых научных

²⁹ О познавательных поворотах в историографии см., в частности: Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века //Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. № 1. С.256-258. Переосмысление знания рассматривается также в работе: Мягков Г.П. Современные дискуссии о постмодернизме и проблеме преемственности позитивистских идей в отечественной историографии //Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 25. Томск, 1999.

³⁰ Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. М., 1995; Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Учебное пособие. Иваново, 1990; Быховская И.М. Homo somaticos: аксиология человеческого тела. М., 2000; Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002. В 90-е гг. переиздаются работы В.И.Вернадского, начинает выходить журнал «Человек».

³¹ Репина Л.П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) //Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. М., 2000. С. 5.

³² См., напр.: Kuhn A., Rothe V. Frauen im deutschen Faschismus. Eine Quellensammlung mit fachwissenschaftlichen und fachdidaktischen Kommentaren. Bd. 1. Frauenpolitik im NS-Staat. Düsseldorf, 1987; Wittrock Ch. Das Frauenbild in faschistischen Texten und seine Vorläufer in der bürgerlichen Frauenbewegung der zwanziger Jahre. Frankfurt am Main, 1981; Klose W. Generation im Gleichschritt: Ein Dokumentarbericht. Hamburg-Oldenburg, 1964. См. также: Зигмунд А.М. Женщины нацистов /Пер. с нем. Ч. 1.М., 2001.

³³ См., напр.: Frauen und Nationalsozialismus. Historische und kulturgeschichtliche Positionen. Osnabrück, 1996.

³⁴ См., в частности: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) / Пер. с нем. М., 1997.

³⁵ Частично проблема нацистских гендерных отношений рассматривалась нами в статье: Макарова Л.М. Национал-социализм в гендерном измерении. //Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2002. №3. С.113-132.

результатов³⁶. С другой стороны, при изучении идеологии теперь учитывается вся совокупность явлений культуры, включая естественные и гуманитарные дисциплины.

В целом, интересы представителей конкретных научных дисциплин сосредоточены на направлениях научного поиска в рамках данной дисциплины к ущербу для единого научного знания. Даже в работах, непосредственно посвященных идеологии, закономерно доминируют профессиональные интересы исследователя. Перспективным в этом случае может оказаться интерес к проблеме человека, многогранной в силу сложности изучаемого феномена.

Раздел второй. СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА И МЕТОДЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ.

При рассмотрении идеологии интерес представляет интерпретация термина, в первую очередь с содержательной стороны, соотношение гносеологических истоков и собственно идеологии. Для обозначения собственных представлений о логике и перспективах не только германского, но и мирового развития нацисты пользовались единым термином «мировоззрение», заимствованным, по всей вероятности, из классической немецкой философии XIX в. Немецкая традиция связывала с этим термином абстрактно-теоретическую сторону системы взглядов, в отличие от «идеологии», понимаемой в политико-практическом смысле. А. Гитлер, а впоследствии и А. Розенберг, этим термином обозначали конгломерат весьма разнородных идей и представлений, и подразумевали не столько их осмысление, сколько интуитивное восприятие, в результате которого становилось бы невозможным опровержение нацистской идеологии при помощи рациональных доводов.

Классическая модель создания идеологии предполагает, что теоретические концепции формируются и развиваются в интеллектуальной среде. При всей правомерности такого рассмотрения нельзя не отметить в то же время его ограниченности, поскольку в этом случае не получают исчерпывающего объяснения ни специфический механизм воздействия идеологии на адресата, ни проблема ее живучести. Нацисты же провозглашали себя «людьми действия», и началом их деятельности оказывалась Программа, а не идеология. В рассуждениях Гитлера подчеркивается искусственный характер идеологии, в деле создания которой ведущая роль принадлежит лидеру.

Совокупность идей еще не создает идеологии, поскольку вне поля зрения остается ее качественная (структурная) характеристика. Особое место в нацистских идеологических построениях принадлежит спекуляциям на научных достижениях. Обращение к научным данным придавало идеологии дополнительную респектабельность в глазах обывателя и, с другой стороны, обосновывало привлечение представителей научного мира, склонных к приданию значимости своей работе путем ее избыточной политизации. Разумеется, науке можно придать ценностный смысл и на этом основании включить ее в идеологию, особенно если речь идет о будущей завоевательной политике завоевателя³⁷. В этом случае практически все науки, особенно биологические и связанные с изучением пространства, в той или иной мере служат оправданию завоеваний.

Параллельно научные представления подвергаются у нацистов трансформации иного рода, они дополняются суждениями в целом о знании, которое временами превращается в гнозис – знание о сокровенном. Именно так трансформировалась в миф крови расовая теория.

Обратившись к критерию рациональности, можно, с известной условностью, разделить используемые любой идеологией идеи на три уровня: рационализируемые идеи, условно рационализируемые и нерационализируемые. Политологи используют для их обозначения иные термины - достижимое решение, утопия и миф. Эти три уровня могут присутствовать как обособленно, так и в пространстве одной идеи, проявляясь разными сторонами в зависимости от обстоятельств и адресата.

³⁶ Этой проблематике посвящен, в частности, сборник статей о новых тенденциях в исследовании теории и истории культуры. См.: Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов. Сб. научных статей. М., 2001.

³⁷ Общий анализ исторических сочинений этого рода дан в работе: Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20-40-х годов. Новое прочтение. Кемерово, 1996. С. 113-118. Ю.В. Галактионов считает нацистскую историческую науку одним из звеньев пропаганды, не конкретизируя ее роль. См. также посвященное этой теме диссертационное сочинение: Selmeier F. Das nationalsozialistische Geschichtsbild und der Geschichtsunterricht 1933-1945 / Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. München, 1969.

Исследователи в основном полагают синонимичными антинаучность и иррациональность, они считают, что главная особенность идеологии как проявления «ложного» (К.Маркс) сознания заключается в стремлении придать идеям трансцендентность, выйти за пределы чувственного опыта. Последнее обстоятельство, в свою очередь, позволяет иначе поставить вопрос о времени возникновения основ идеологии, о степени архаичности использованных идей и таким образом об уровне их соответствия менталитету германского населения в XX веке. Для подобных взглядов характерны иногда прямые аналогии между нацизмом и мистическими откровениями средневековья или религиозными движениями. В трактовке этого вопроса наблюдается четкое размежевание между клерикальными и светскими исследователями. К параллелям с религиозными движениями прибегают только историки, не связанные с церковью. Особую группу составляют священнослужители: для них спекуляции нацистов на религиозной идее являются ересью, разновидностью сатанизма, поклонения силам зла.

Условно рационализируемые идеи, обычно обозначаемые как утопия, касаются в основном программирования будущего, трансцендентного по отношению к настоящему, и поэтому предполагают свободное манипулирование категориями пространства и времени, в пределах которых предполагаются изменения. В частности, они используются при нацистском моделировании истории или при абсолютизации социальной значимости крестьянства.

Наконец, третий вид идей – нерационализируемые – представлен мифом, расплывчатыми, иррациональными образами, которые при помощи символов внедряются в подсознание определенных категорий населения. Миф привлекает наибольшее внимание исследователей разных специальностей. Как и другие приводимые понятия, в большинстве трудов он лишен конкретного содержания и в зависимости от контекста может означать как частный пример ложной идеи, так и часть идеологии. В исследовании проблематики мифа особое место принадлежит философу, специалисту в области истории религий М.Элиаде. Из нескольких значений мифа, которые он предлагает, наибольшую ценность в данном случае представляет понимание мифа как формы коллективного мышления, для которого характерно создание типологических моделей всего общества.

Обращение к парадигме мифа позволяет глубже рассмотреть вопрос о степени истинности и ложности идей. Конструирование и внедрение мифа – это реалии не познавательного, а поведенческого плана. Миф больше апеллирует к подсознанию, он рассчитан на некритическое восприятие, его можно выразить языком символов как словесного, так и зрительного ряда³⁸. Символ обладает дополнительным значением, несущим нечто неопределенное, не поддающееся объяснению. Когда разум пытается определить некий символ, он неизбежно выходит за пределы логики. В таком случае миф становится не только составной частью идеологии, но и одним из механизмов ее создания и функционирования.

Функция мифа – демонстрировать сбалансированность мира, в основе которого должен быть принцип гармонии, целостности. Это накладывает отпечаток и на формулируемые идеи, способствуя при необходимости их расширительному, а временами и прямо противоположному относительно первоначального толкованию, позволяя конструировать идеологию, не особенно заботясь о ее рациональности³⁹.

Для символического отображения трансцендентной стороны идеологии нацисты применяли сложную систему лингвистических и экстралингвистических знаков.

Лингвистические знаки как высокоорганизованная и эффективная семиотическая система логично оказываются на первом месте. Особенность Германии заключалась в том, что языковая культура, находясь на высоком уровне, не имела ни соответствующего этому уровню национального сознания, ни политического объединения, возникшего там лишь в конце XIX в. Наличие на территории Германии значительного числа этнических групп с альтернативным общегерманскому сознанием, по мнению австралийского историка Р.Сэмюэла, привело к новой концепции народа (Volk), оппозиционной привычному понятию нации. «Volk», максимально соответствуя мистике "мифа крови", обозначал особую роль носителей арийской крови, далеко выходящую за пределы чисто событийного ряда, апеллировал скорее к космическим, чем к земным представлениям. Таким образом

³⁸ Эта проблема как соотношение языка-объекта и метаязыка рассмотрена в: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. /Пер. с фр. М., 1989. С.131.

³⁹ Такой принцип широко применялся, в частности, при написании основных нацистских источников – работ А.Гитлера и А.Розенберга.

были преодолены рамки национализма, первоначально совпадавшие с государственными границами Германии и территорией ее бывших колоний.

В работе английского исследователя "социальной истории" Р. Гранбеджера семантические манипуляции представлены как основной прием дехристианизации Германии. Гранбеджер показывает внедрение неоязычества при помощи древней германской лексики. Все это позволяет отнести суждения нацистов к своего рода современному гностицизму, поскольку значительное место в их суждениях отводилось скрытой мистической сущности вещей. К тому же типу относились слова нацистских приветствий.

Любая идеология, претендующая на влияние, обосновывает свою значимость опорой на традиции и авторитеты, зачастую создавая иллюзию органичного развития там, где в реальности наличествует лишь технический прием. Обращение к немецкой традиции придавало нацистским идеям дополнительную респектабельность. В особую группу исследователи нацизма выделяют работы Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера, А. Гобино и Х. С. Чемберлена, которых считают непосредственными предшественниками нацистских идей. Идеиная опора в разные периоды существования нацизма менялась, многие идеи, необходимые в период подготовки к захвату власти и популярные до 1933 г., впоследствии не фигурировали в официальной публицистике. Утверждается, например, что почти не переиздавались в нацистской Германии труды основоположника теории «жизненного пространства» Ф. Ратцеля⁴⁰.

В таких работах есть некоторая недоговоренность: из наблюдений авторов не следует вывода о ситуативности как неотъемлемом качестве идеологии нацизма и о наиболее распространенных способах трансформации ими первоначальных идей. В частности, теория «жизненного пространства» была постепенно поглощена идеей «нового порядка».

Создание идеологии, ориентированной на то, чтобы стать единственно приемлемой в обществе, в этом случае представляется упрощенным, преобразованным из философско-методологической проблемы в технологическую задачу. Идеологию вполне можно сконструировать из элементов тех старых и новых идей, которые уже бытуют в обществе. Но такой подход может представиться механистичным при одном условии – если не учитывать социальную психологию населения, для которого эта идеология предназначена, тот пласт, на который опираются идеи, и который включает не всегда и не полностью рационализируемые понятия - национализм, патриотизм и их производные.

Нацистская идеология – сложное и неоднородное образование, вобравшее в себя как спекуляции на научных достижениях, в основном в биологической сфере, так и элементы архаических представлений. С точки зрения научности, нацистскую идеологию трудно принимать всерьез, ее критикуют отдельно от практики, не учитывая функциональных особенностей ее знаковой системы. Так, считается, что нацисты лишь стремились придать идеологии видимость целостности. Однако в реальности идеология нацизма была мифологически сверхцелостной, охватывая даже космический план. Нацистское манипулирование христианскими и псевдоязыческими обрядами имело целью доказать ведущую роль ариев в космическом масштабе. Об этом свидетельствует и символика с преобладанием в ней солярных и планетарных символов.

Все это позволяет выстроить единую модель нацистского конструирования идеологии: отбора нужного информационного материала, препарирования его до уровня, вызывающего доверие, но не поддающегося научному анализу, и придания ему иллюзорного единства. Таким способом была создана вполне работающая конструкция, саморазвивающаяся система, имеющая собственные законы, в частности, тенденцию к все большей нерационализируемости. От классической модели нацистская идеология отличается также созданием целостной системы с программы, а не с теоретических изысканий с последующим подключением идеологии и пропаганды.

При решении проблемы действенности созданной идеологической системы режим вынужден был урегулировать в приемлемом для себя ключе религиозный вопрос, поскольку церкви принадлежало приоритетное право на обслуживание жизненного цикла человека. Главной целью было обеспечить равноценное мистическое наполнение собственных идей и за счет этого обстоятельства создать возможность для постепенного замещения церкви альтернативной обрядовостью. Корректировка религиозной догматики в нужном националистически-расовом ключе

⁴⁰ Ратцеля не упоминает и А. Розенберг, который критически воспринимает теорию «культурных кругов», поскольку в ней отсутствует расовое обоснование. Rosenberg A. *Der Mythos des 20. Jahrhunderts*. S.47-48. Однако в 1940 г. его избранные работы опубликовал К. Хаусхофер, подчеркнувший, что высказывания Ратцеля стали популярными благодаря речам Гитлера. См.: Maltitz H. *The evolution of Hitler's Germany*. New York, 1973. P.63.

состояла из нескольких сторон. Иррациональный компонент был призван обеспечить неустойчивость идеологии для критики и за счет расплывчатости интерпретаций усилить возможность множественных толкований одного постулата. Этим обстоятельством можно объяснить малое употребление терминологии, отсутствие четких понятий, пусть не претендующих на научность.

В тесной связи с отмеченными проблемами находится вопрос о степени новизны нацистской идеологии. Новым, по мнению большинства немарксистских исследователей, было не столько содержание, сколько акценты – крайние формы принял, например, расизм. Публицистика нацистских лидеров явилась своеобразным синтезом прежних реакционных концепций. Однако существенно более содержательными, на наш взгляд, является метод конструирования идеологии, присвоения идей за счет придания этим идеям дополнительной агрессивности. Таким было заимствование названия для книги Гитлера или превращение в завоевателей прежних гиперборейцев.

Вопрос заключался не в обращении к трудам того или другого предшественника, а в способах заимствования. Заимствования наиболее удобны при определенном состоянии знания (как науки, так и уровня образованности - осведомленности- аудитории), когда возникает разрыв между осведомленностью населения и логикой развития науки. Создается параллельный мир, в котором объединенные знаковые элементы приобретают дополнительный смысл. В этой связи простое сведение всего построения к мифу не выглядит достаточно убедительным.

Для комплексного рассмотрения идеологической системы ее элементы целесообразно расположить в порядке, учитывающем иерархию значения. На первом месте в этом случае оказываются идеи, затем способы их преобразования в соответствии с непосредственными практическими целями. Трансформацию в этом случае претерпевают не только идеи, но и символы этих идей. Создается основа для пропагандистской стратегии власти по созданию позитивного образа проводимой ею политики и стимулируется политическое поведение масс.

Раздел третий. СЕМАНТИКА АНТИИСТОРИЗМА И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРА В НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ.

Политическая функция идеологии – закрепление социальной связи определенной группы индивидов – реализуется при помощи создания любым типом идеологии собственной картины мира и человека в этом мире. Такой была и нацистская концепция – переписывание истории и места в ней человека с точки зрения нацистской системы идеалов и ценностей, иными словами, новой философии истории, которая иначе отвечает на вопрос о смысле, закономерностях и основных направлениях исторического процесса. Формировалось новое представление не только о человеке, но и о мире, в котором он существует.

Наиболее понятная и привлекательная для населения Германии геополитическая (пространственная) парадигма содержала территориальные изменения – восстановление границ Германии и возврат ее прежних колониальных владений. Нацисты заходили в этих вопросах существенно дальше простого пересмотра итогов войны, апеллируя к заимствованной у пангерманцев идее Великой Германии, которая должна была объединить всех немцев, и пространственные границы которой пока намеренно не конкретизировались. Такие расплывчатые формулировки были характерны для многих пунктов Программы, что впоследствии позволило истолковывать их самым произвольным образом.

Внедрение в подсознание населения скорее пространственно-временного ощущения, чем сознательного восприятия, "немецкости" (в русле идеи "тысячелетней империи") предполагало самое широкое обращение к прежней германской, по преимуществу средневековой истории, апелляцию к героизму германцев времен Цезаря и Тацита. Разумеется, в условиях значительной временной отдаленности копируемых образцов их смысловое содержание, при сохранении внешнего подобия, было утрачено. Моделирование хронотопа происходило при помощи использования соответствующей знаковости, в данном случае из области языка, вестиментарного кода и нумерологии. Атрибутика средневековья, в первую очередь костюм, широко использовалась теперь для многочисленных праздничных шествий, создавая необходимое знаковое наполнение для общей карнавализации жизни. В условиях нацистской Германии этот средневековый реквизит, помогая по-новому, в "германском духе", заполнить привычное пространство, оказывался материальной иллюстрацией понятия "volkisch".

Нацисты стремились реконструировать мифическое прошлое и на его основе создать имитацию традиции, поскольку часть населения способна была воспринять эту конструкцию как единственную основу для преодоления хаоса настоящего. Именно этим было обусловлено обращение к более

ранним периодам. Не случайно Берлинская олимпиада проводилась в утрированно архаическом стиле. Там впервые со времен Эллады был зажжен – по предложению Гитлера – переданный по эстафете олимпийский огонь.

Повседневное поведение оказавшегося в этом пространстве человека трансформировалось, превращаясь в ритуал. Совершенствовалось управление массами как в статичных, так и в движущихся пространствах. Для статичных пространств применялась симметрия, для движущихся – анфиладное построение. Нацисты широко использовали архитектурные приемы организации масс, поскольку их симметричные формы искусственны относительно асимметричного строения человеческого тела и по определению не предполагают повседневного поведения.

В результате манипулирования конкретно-историческими данными - в частности широких апелляций к истории реально существовавшей на протяжении тысячи лет Священной Римской империи германской нации (800-1806) - нацистская идеология при помощи термина "тысячелетний рейх" (Tausendjähige Reich) дословно воспроизвела идею позднесредневекового мессианизма. Термин Reich (империя), в отличие от Staat (государство) воплощал тоску по утраченному могуществу (в частности, он фигурировал, несмотря на смену формы власти, в конституции Веймарской республики) и постепенно приобретал качества мифа, поскольку значение термина подменялось его произвольной интерпретацией. Понятие Reich само по себе становилось лингвистическим символом идеи германского процветания.

Восприятие подобных идей облегчалось тем, что германское население после войны (в 1919-1923 гг.) было не в состоянии воспринять рациональное объяснение случившегося. Относительный успех всего нацистского мероприятия по созданию "мировоззрения" обеспечивался тем, что общие идеологические тенденции в Германии этого периода (что отмечают лишь исследователи религиозного сознания⁴¹), отражали тяготение к иррациональному, поиск неизвестного, ожидание чуда. В этих условиях полное отбрасывание традиционных ценностей невозможно, поскольку ломка сложившихся стереотипов сделает население, мечущееся в поисках новых ценностей, неуправляемым. Гораздо более приемлемым представляется иной вариант: трансформация существующих идей в новом, максимально желательном русле.

Первоначальная иррациональная опора была в религии, где широко представлен мистический элемент⁴², одновременно нацисты стремились опереться на интерес населения к магии. Помимо этого, в возвеличении героической смерти, жертвенности, в презрении к старости проявлялось влияние язычества. По мере поражения нацизма именно жертвенность постепенно выдвигалась на первый план, сообщая всем нацистским мистериям оттенок деструктивности, веры в чудо и в итоге все больший отрыв от реальности.

Категория пространства логически является ведущей при конструировании границ не только нацистского «мира», но и любого другого. При обозначении пространственного мира человека наиболее распространенным был лингвистический метод, связанный с изменением географических названий как собственных, так и захваченных территорий, происходила лингвистическая перекодировка пространства. Любая реальность, в том числе пространственная, начинается с определения ее имени – в данном случае названия населенного пункта, улицы, площади. После 1933 г. на карте Германии появились многочисленные переименования, призванные увековечить лидеров и «героев» нацистского рейха. С началом реализации завоевательной политики в обязательном порядке менялись названия подчиненных территорий. Особый размах это приобрело после 1939 г., с осуществлением на практике идеи «нового порядка». Категории пространства и времени поэтому постепенно приобрели черты архетипов, уже не ориентированных на современность. В перспективе это привело к неадекватному восприятию действительности и, как следствие, крушению искусственно сконструированной системы ценностей. Такое промежуточное, разноуровневое существование подчеркивалось постоянно выдвигаемой идеей обновления при помощи символики огня, солнца, птицы Феникс – атрибутов, мало связанных с конкретным, приземленным существованием.

Универсальным средством пространственного доминирования оставалось использование "немецких" географических названий (типа "Нового Берлина" в Бразилии), особенно значимое для

⁴¹ См., например: Patry R. La religion dans l'Allemagne d'aujourd'hui. Paris, 1926.

⁴² Воспоминания Г.Раушнинга о встречах и разговорах с Гитлером дают достаточно оснований предполагать хорошую осведомленность Гитлера о современных ему мистических идеях и умелом их использовании для достижения желаемых целей. См.: Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 172-173, 192-193.

колонизуемых или оккупированных территорий, где они составляли резкий контраст с локальной терминологией и являлись убедительным свидетельством германского присутствия. В самой Германии географическая перекодировка пространства подчинялась расовым целям - ликвидировались "неарийские" названия⁴³.

Второй способ подчинения пространства – уже не имеющий отношения к лингвистике - его архитектурная организация, при которой на определенном пространстве начинали доминировать сооружения, несущие новую символику. В нацистском подчинении пространства существенная роль отводилась архитектуре - предпочтение отдавалось так называемым "немецким" постройкам, с характерными островерхими крышами, помпезным сооружениям, призванным демонстрировать величие Германии, и мавзолеям нацистских "героев", превращающим населенные пункты в гигантские некрополи.

Такая сакральность пространства могла быть временной или постоянной. Постоянной она становилась в районах культовых сооружений, в первую очередь мавзолеев, призванные увековечить борцов за идеи режима. В нацистской Германии шеренга таких мавзолеев должна была располагаться по границам страны. Таким образом идея пространства приобретала движение, переходя в обозначение времени, обеспечивая связь с прошлым и настоящим, гарантируя бессмертие не только героям, но и идеям.

Для расово неполноценных представителей как германского общества, так и покоренных народов предназначалось замкнутое пространство концлагерей или гетто, отделенное от остальной территории. Особым типом сакрального пространства становился концлагерь, где непосредственно реализовывалось противостояние сверхчеловека (охранника-эсэсовца) и недочеловека (еврея-заключенного). Столкновение и борьба между ними приобретали в этом случае характер эсхатологической драмы, а массовые уничтожения становились своего рода гигантскими жертвоприношениями. В конечном итоге должна была возникнуть бинарная пространственная модель с особыми территориями для расовой элиты и соответственно расово неполноценного населения.

Предполагалось, что после окончания войны пространственное оформление получит и расовая элита, СС. Перед концом войны Гитлер предложил Гиммлеру избрать Бургундию в качестве центра сверхнационального арийского ордена, поддерживаемого СС⁴⁴. Туда планировалось с целью максимально быстрого истощения жизненного потенциала покоренных народов постепенно переместить представителей их элит (групп населения, по тем или иным признакам отнесенных к числу «расово приемлемых»).

Сравнительно с подчинением пространства, существенно менее успешными оказались попытки создать особую, нацистскую систему исчисления времени. Измененное представление о времени на практике выражалось в иной его организации: реформировании календаря, введении режимом новых праздников и дней скорби. Новые названия месяцев нацистского календаря дополнительно, наряду с хилиастической идеей, создавали иллюзию существования в параллельном времени.

Нацистские мировоззренческие установки характеризуются смещением прежних реалистических представлений о пространственно-временных связях, созданием мифологизированных параллельных пространств, охватывавших как живых, так и мертвых. Логике исторического развития противопоставляется агрессивное подчинение человеческого существования борьбе за отвлеченную идею, постепенное уничтожение "человека исторического". Подчеркивание тождественности расы на всем протяжении истории ставит под вопрос развитие человека во времени.

Национализм, а затем расизм в нацистской интерпретации может оцениваться как вариант запрограммированной эмоции, поскольку приобщение к чему-то гораздо более абстрактному, чем географически понимаемая территория, язык или поведенческие стереотипы населения могло быть в этом случае лишь спекулятивным. Это обусловило преобладание иррационального элемента в структуре идеологии, широкого обращения к мифу.

Мифологизация жизни приобрела настолько широкий масштаб, что рядовые обыватели оказались участниками гигантского маскарада, систематически подкрепляемого театрализованными мистериями на темы германского прошлого и грядущих побед. Привычное понятие получало в этих

⁴³ Х.Центнер в составленном им словаре приводит, в частности, количество площадей и улиц в разных городах, получивших имя Гитлера: в частности, в Берлине их 5, в Мюнхере – 7, Штуттгарте – 8. Правда, он отмечает, что невозможно установить, касалось это вновь созданных пространств или возникло в результате переименования. Zentner Ch. (Hrsg). Das grosse Lexikon des Dritten Reiches. München, 1985. S.17.

⁴⁴ Biddiss M.D. Op. cit. P.230.

условиях совершенно новое содержание, прежним оставалось только стремление восстановить утраченные власть и могущество.

Раздел четвертый. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАНОНЫ ДЛЯ ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ.

В вопросе о социальной структуре общества нацистской Германии максимальный интерес представляет соотношение закономерностей складывания социальной структуры и место в этом процессе идеологического конструирования.

Модернизация, ускоренными темпами происходившая в Германии с конца XIX в., вызвала увеличение численности рабочего класса, трансформацию средних слоев при одновременном сохранении крупного землевладения и, соответственно, доиндустриальной системы ценностей. Процесс развития сознания личности в этих условиях плохо соотносился с наступившими изменениями. Незавершенность оформления социальной структуры, дополненная разрушительным воздействием тягот первой мировой войны, и возросший уровень политизации населения создали благоприятные условия для нацистского вмешательства в эту область. Начиная с Программы НСДАП 1920 года, структура будущего общества оценивалась нацистами не по социальным, а по биологическим показателям, и полноправными гражданами Германии признавались лишь немцы по крови.

В интерпретации Гитлера мир представал биполярным, состоящим из арийцев и неарийцев, между которыми велась вечная борьба. Формулировался новый критерий «избранности», понимаемый как единство чистоты крови и «правильного» мировоззрения, критерий, имевший функциональный характер и служивший для противопоставления библейскому «избранному народу» – евреям. Вместе с тем сопутствовавшая этому термину теистическая идея не совсем соответствовала уровню XX века, поэтому параллельно выдвигалась более приемлемая, более приземленная коллективистская концепция «расовой общности» (Volksgemeinschaft). Общность предполагала единство, но в то же время вовсе не предусматривала равенства, которое в любом его проявлении отрицалось как несовместимое с расовой идеей. И Гитлер, и Розенберг были противниками любого эгалитаризма, интерпретируя его как марксистское стремление подавить индивидуальность и превратить людей в «массу». Подразделялись как целые народы, так и отдельные группы внутри каждого народа. Смысл такого деления заключался в том, чтобы выделить внутри каждого народа наиболее ценные в расовом отношении элементы, обладающие наибольшим физическим здоровьем, следовательно, способные произвести здоровое потомство.

Адекватность «новых избранных» возложенной на них миссии подчеркивалась также лингвистическими средствами. Нивелирование индивидуальности производилось путем регламентации имени. Неотъемлемое свойство жизни – память о человеке, в первую очередь как представителе рода, продолжающем его историю, поэтому немецкому ребенку при рождении давалось арийское имя, желательное из тех, которые были приняты у данной семьи в прежних поколениях. Совершенно не поощрялись иностранные имена и запрещались ветхозаветные (неарийские по определению), но в качестве новых начинали внедряться языческие имена (например, Бальдур), якобы бытовавшие в среде древних германцев. Таким образом, уже первичная социализация человека происходила в расовую общность.

В концлагере замену номером личного имени, наиболее явного способа самоидентификации личности, можно считать очередным, после социальной изоляции, шагом к погружению в небытие. Личность еще до смерти оказывалась вычеркнутой из памяти и истории народа. Это обстоятельство, помимо индивидуальных жизненных трагедий, имело и эсхатологический смысл, поскольку речь шла о бессмертии, понимаемом не только как сохранение памяти для потомков, но и с религиозной точки зрения, как бесконечное странствие оставшейся без прибежища (имени, связанного со святым покровителем) души. Правда, в межличностных контактах имена продолжали применяться, но возможность близких проследить судьбу заключенного после его ареста и отправки в концлагерь существенно снижалась.

Все немцы делились на три основных «касты», согласно пропорциональному составу у них чуждой и германской крови. Это предварительное деление становилось затем более дробным, начиная от лиц «германской крови» и заканчивая «чуждой». Остальные занимали промежуточные позиции. Правда, для них существовал термин «нордические». Впоследствии, на уровне «национального государства», дифференциация углублялась, и Гитлер выделял уже три основных «класса» – граждан, подданных и иностранцев, различавшихся в правовом отношении. Иностранцами автоматически считались все не-немцы по крови, вне зависимости от места рождения, которое могло

быть и Германией. Подданство определялось чистокровностью и фактом рождения в стране, но вот права гражданства мужчины получали только после прохождения военной службы, а женщины, за исключением работающих, - лишь после замужества, когда определялась их полезность для государства. Согласно Программе НСДАП, не-граждане подчинялись законам для иностранцев, однако здесь, судя по всему, была также своя градация. В частности, М.Васильчикова в своем дневнике ни словом не упоминает за все время существования нацистской Германии о дискриминационных мерах по отношению к себе и своему эмигрантскому окружению. С другой стороны, В.Клемперер или Л.Хааг, бывшие прежде полноправными немецкими гражданами, скоро оказались преследуемыми по расовым или политическим мотивам.

Уже в 1930 г. эта система деления не ограничивалась, по крайней мере, в теории только Германией, а распространялась на население всего земного шара, тогда же появились и термины «сверх-» и «недочеловек», а главной задачей провозглашалось создание более высокой расы, которая сначала освободится от физических недостатков, а затем постепенно будет подниматься духовно.

В будущем, после победы нацизма, «новый порядок» предусматривал деление общества уже на несколько слоев. Первый уровень представляла нацистская аристократия, избранная в борьбе, затем следовала иерархия членов НСДАП, создающая «новый средний слой», далее – работники в городе и деревне, которые должны служить другим. Преимущественное положение в мифологической части идеологии нацизма, по крайней мере вначале, занимали крестьянство и аграрная экономика. Считалось, что германское крестьянство сохранило верность основанным на "крови и почве" языческим идеям, полному и окончательному доминированию которых мешают крупные города и лишённые "здоровых народных корней" интеллектуалы.

Можно выделить несколько направлений, по которым осуществлялась эта политика, и подчеркивались преимущества крестьянства перед городским населением. В первую очередь объявлялась крестьянская чистота крови, тесная связь с матерью-землей, что в совокупности иллюстрировало весьма распространенный пропагандистский штамп "крови и почвы": земля становится подлинно немецкой, лишь будучи политой кровью немецких крестьян. Этот тезис оказался достаточно плодотворным и для реализации внешнеполитических амбиций, в первую очередь на Востоке - на пути, проторенном Тевтонским орденом. Крестьяне должны были укреплять вермахт и части СС, считавшиеся образцом представителей германской расы.

Противопоставление деревни городу при общей цели консолидации не могло быть продолжительным. Первоначально расширилось само понятие крестьянства, которое стало включать и крупных аграриев, и владельцев предприятий перерабатывающей промышленности. Затем наступила очередь конструирования синонимичности понятий крестьянства и нации, что было достигнуто через промежуточный термин Volk - народ. Позиции прежних групп власти – промышленной, военной и политической - сохранялись при условии их расового соответствия и принятия ими нового режима. Посягательство на прежнюю элиту оказывалось нежелательным, поскольку возникала опасность утраты рядовым немецким обывателем представлений о традиционной структуре общества, что впоследствии могло спровоцировать сомнения в легитимности нацизма. В то же время в соответствии с мифом крови формировалась новая нацистская элита. Концепция элиты складывалась не сразу, ее приспособление к сложным реалиям 1920-1945 гг. происходило постепенно. Ее зародышем явились небольшие группы личных телохранителей Гитлера получившие в 1925 г. название СС (Schutzstaffeln – охранные отряды). Смысл создания СС заключался в том, чтобы сконцентрировать там нордическую кровь со всей Европы. По той же причине именно на СС возлагались задачи, связанные с реализацией нацистской программы относительно разных народов. В СС поэтому производился набор не только коренных немцев или «фольксдойче», но и представителей иных народов⁴⁵. Методы, при помощи которых СС утверждали собственное могущество, в том числе и на оккупированных территориях, постоянный контакт со смертью и преступлением отчуждали их от остального общества.

Самым многочисленным оказывался слой побежденных чуждых элементов, современный слой рабов. В зависимости от расовой чистоты дозировались социальные и политические права, что нашло максимальное выражение в Нюрнбергских законах. Уже в 1935 г. был принят закон о немецком гражданстве, по которому ликвидировались гражданские права евреев. Проблема решалась поэтапно, начиная с изоляции части населения в гетто и тюрьмы, затем в концлагеря. При всем различии

⁴⁵ Список боевых соединений войск СС (Waffen SS), создававшихся с 1938 г., включал в себя, помимо немецких, еще литовские, латвийские, эстонские, албанские, венгерские, фламандские, русские, чешские, голландские, западноукраинские формирования. См.: Brissaud A. Op.cit. Annexes. P. 413-415.

назначения этих средств они имеют общую черту - десоциализацию личности, для которой наступала гражданская смерть, соответственно расширились возможности ее физического уничтожения.

Начиная с Программы вводилась и основная социальная характеристика членов единой по крови общности: главной обязанностью каждого гражданина оказывался умственный или физический труд, который расценивается Гитлером как готовность к самопожертвованию, которое можно в данном случае трактовать как безусловное подчинение высшей воле и одновременно как пирамиду социальных отношений. По мнению Розенберга, единственно правильной была бы следующая структура: расовая душа, народность, индивидум, культурная сфера. Эти четыре элемента составляют не просто случайную последовательность, а «цикл, наполненный энергией». Помимо расовой души и народности в целом, Розенберг признает существование «великих личностей», которые творческим действием создают культурную сферу, связанную с расой и расовой душой. Аргументы подобного рода Розенберг, по его собственному утверждению, черпает у Мейстера Экхарта, приписывая именно ему такую трактовку расовой и божественной сущности человека⁴⁶, и у философов О.Шпенглера (1880-1936) и О.Шпанна (1878-1950).

После прихода нацистов к власти эта схема приобрела дополнительные, пространственные характеристики. «Раса господ» должна была населять Германию, а «низшие расы» - расселяться за ее пределами, в специально предназначенных для этого местах. В то же время логика создания мест изоляции достаточно противоречива.

Трансформировалась социальная структура во всех завоеванных странах, везде создавался именно расовый, а не национальный вариант. Однако расовую стратификацию нацисты проводили дифференцированно, в зависимости от специфики их интересов применительно к отдельной стране.

Последовательная германизация проводилась в первую очередь в форме натиска на культуру. Планировалось ограничить уровень образования низших рас, которые предназначались для неквалифицированного труда. Началось это в ноябре 1939 г., с ареста польских ученых в Ягеллонском университете и закрытия чешских высших учебных заведений в протекторате Богемии и Моравии. Чем выше был профессиональный уровень того или иного представителя национальной интеллектуальной элиты, тем больше было для него шансов оказаться арестованным. Нацистское моделирование общества не ограничивалось только Германией, оно изначально распространялось на весь мир, который разделялся по расовому принципу на две основных и множество дополнительных подгрупп. Причудливо переплетались как общепринятые критерии – род занятий и положение в обществе, так и искусственно внедренные – разделение труда по расовому показателю на занятия арийские и неарийские, особенности моделирования новой расовой элиты. Эта элита, в соответствии с теми обязанностями, которые на нее возлагались, должна была максимально полно продемонстрировать сочетание расовых и мировоззренческих установок.

Общество приобрело иную структуру, по-прежнему ориентированную на расовые показатели, поскольку при отсутствии равенства только этим способом могло моделироваться пресловутое расовое единство. Наиболее оформленной, в ее крайних проявлениях, стратификация оказалась в концлагерях, где нацисты обладали большими возможностями социального моделирования. В конечном итоге узники концлагерей также представляли собой единство, в которое включались люди по разным показателям, но которое обладало основополагающей чертой – неприемлемостью для нового режима, основания для этого роли не играли и варьировались в диапазоне от расового несоответствия до личной неприязни. Концлагерь оказывался местом непосредственного столкновения одобряемых режимом защитников нацистской системы ценностей и тех, кого режим по разным причинам отторгал. Одно единство противостояло другому. Впоследствии эта схема должна была получить более масштабное пространственное оформление.

В нацистском обществе, несмотря на привычный показатель – труд – вовсе не идет речь о четко выраженных социальных группах. Даже германское население, несмотря на декларированное единство, подразделяется на группы, включавшие наряду с половыми и возрастными расовые

⁴⁶ Мейстер (магистр) Экхарт (1260-1327) – выдающийся немецкий богослов-мистик. А.Розенберг ссылается не столько на его труды, сколько на сочинения о нем. Он, правда, цитирует Экхарта, но нигде не указывает источника цитирования и не упоминает названия его произведений. См., напр.: Rosenberg A. Op.cit. S.221. Между тем с 1936 г. в Германии предпринимается многотомное издание трудов Экхарта. В монографии М.Л.Хорькова «Майстер Экхарт. Введение в философию великого рейнского мистика» (М.,2003. С.) отмечается, что основное положение его мистицизма – связь естественного и противоестественного. Нацистский интерес к Экхарту Хорьков оценивает как чисто пропагандистский и не имеющий ни малейшего отношения к реальной значимости трудов Экхарта. См.с.14.

характеристики, не имеющие отношения к обычным социальным показателям. Для этого общества был характерен скрупулезный учет каждого конкретного человека с целью его идентификации с собственной или враждебной группой. В соответствии с этим в идеологии присутствовало понятие лишь коллективной, но не индивидуальной вины и коллективной же ответственности. Противник не имел конкретного лица, речь всегда шла об участниках оппозиционной группы «еврейско-большевистского заговора недочеловеков». Нацистские сочинения признавали сверх- и недочеловека, в зависимости от количества в нем арийской крови, но тоже лишь как элемент определенной общности. Личности как таковой просто не существовало.

Спецификой нацистской элиты является сочетание при ее формировании традиционных и нетрадиционных черт, сращивание старых и новых качеств. Элита нового общества не может полностью оставаться прежней, так же как и система ценностей при определении принадлежности к ней, тем более что в иерархии общества элита может быть и неинституциональной. Помимо прежних, привычных показателей - богатства, власти, образованности - был включен расовый критерий, не органичный для массового сознания, но необходимый при определении задач новой элиты.

Раздел пятый. НАЦИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И МЕТОДЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Нацистская антропология как объект изучения представляет определенную сложность в силу ее избыточной идеологизированности. Поэтому при ее рассмотрении необходимо учитывать в первую очередь расовое обоснование базовых антропологических принципов – телесности человека, гендерных показателей, рождения, жизни и смерти.

Гитлер особо подчеркивал, что главной для любого немца является необходимость сохранять чистоту крови. В его работе гораздо более явно, чем в Программе, ведущим оказывается расовый, биологический показатель. Поскольку основной пафос его разоблачений был направлен на борьбу против «осквернителей расы», он подробно рассматривал проблему не столько семьи, сколько брака как жестко контролируемого института, фиксирующего отношения между полами и блокирующего ослабление расы. Брак должен был стать объектом особой заботы нового нацистского государства, залогом появления здорового и расово безупречного потомства.

Изначально (с момента создания Программы НСДАП 1920 г.) окружающий нацистов мир интерпретировался как мужской. Это проявлялось уже в языке Программы, речь в ней шла о «гражданах», «немцах». Да и впоследствии, говоря о будущих выдающихся личностях, Гитлер имел в виду «сыновей народа», а отнюдь не его дочерей.

В последующих работах А.Гитлера, А.Розенберга, В.Дарре гендерная проблема рассматривается существенно подробнее, но продолжает оставаться на уровне биологического детерминизма. Основные интересующие их параметры – проблема брака и в этой связи фиксация места в обществе мужчин, женщин и детей, отношения семьи и государства, воспитание «новой», с четко обозначенными функциями женщин и мужчин, расовой аристократии. Для всех этих работ объединяющим является тезис об общественной дифференциации по признаку пола. Как и многие другие вопросы будущего нацистского господства, этот также был в стадии становления, и решать его на практике приходилось в экстремальных условиях войны и вызванных ею демографических сложностей, комбинируя идеологические установки и существующую реальность.

Война, в нацистском понимании основное занятие мужчин, связанное с их длительным отсутствием и возможной гибелью, привела к расшатыванию прежней концепции материнства и брака, в частности, к иному восприятию внебрачных детей и их матерей – от первоначального осуждения и полному принятию. А.Гитлер, среди прочего, останавливался и на этой теме, в частности, на вопросах правовой защиты внебрачных детей. В условиях войны и широкой оккупационной политики серьезно ставился вопрос о численном доминировании немцев над другими народами. Это решалось в двух направлениях – уничтожения или германизации покоренных народов и увеличения численности немцев за счет повышения рождаемости. Еще одним способом решения проблемы был переход к бигамным бракам. Это способствовало максимальному проявлению подлинной мужской и женской биологической заданности, а у женщин – внешнему соответствию пропагандируемому идеалу. Сексуальная распущенность не поощрялась, и бигамия должна была создать возможность сохранения добропорядочности.

Одновременно возникла необходимость привлечения женщин в экономику, в армейские вспомогательные службы (это был, разумеется, за исключением чисто женских организаций, только рядовой или младший командный состав), в полицию и даже в СС. В зависимости от ситуации на рынке труда акцентировалась роль женщины либо в домашнем хозяйстве, либо на производстве.

Официальная пропаганда внушала, например, что женщина более приспособлена к работе на конвейере, поскольку монотонность работы не мешает ей думать о семье и детях. В книге Розенберга схема гендерных моделей и ролевых биологических функций усложнена⁴⁷. Мир с его точки зрения выглядит бинарным, с одной стороны он – мужской, творческий, с другой – женский, к творчеству неспособный. Вместе с тем эти два полюса имеют общий расовый и, следовательно, глубинный духовный потенциал, который определяется присутствием и влиянием арийской крови. Гендерная дифференциация проводилась одновременно с курсом на бинарность иного рода – создание сверх- и недочеловека. Их моделирование предполагало противопоставление нескольких показателей – телесности, вестиментарного кода (костюма), двигательных и даже мыслительных стереотипов.

Мир, который создавали нацисты, был традиционным миром мужчин, перед которыми стояла задача обеспечить процветание арийской расы и ее распространение в пространстве, на покоренных землях. Вместе с тем нацистское представление менялось в соответствии с изменениями реальной ситуации, менялись и первоначальные гендерные установки, происходила неизбежная в подобном образом программируемой ситуации маскулинизация женщин. В частности, нацистская элита обоего пола в лице СС демонстрировала полную психологическую идентичность, и мужчины, и женщины становились заложниками ситуации. Одновременное моделирование расовых и гендерных стереотипов не могло иметь успеха, в итоге заключенные и охранники как продукты одной идеологии оказывались по многим параметрам тождественными.

По принципу оппозиции Гитлер пространно характеризовал как внешние, так и психологические качества арийских и неарийских мужчин. Серьезное внимание при их сопоставлении уделялось телесности, которая выполняла репрезентативную функцию, свидетельствуя об уродливости неарийцев, вполне соответствующей их низким духовным качествам, и о внешней привлекательности, здоровье и внутренних достоинствах «расово полноценных» индивидов. Идеал арийской красоты, основанный в первую очередь на физическом здоровье, казался достижимым для всех. Термин *Gesund* (здоровый), начиная с программы, становился знаковым для обозначения арийца. В сочетании с военной формой, в которую вполне органично трансформируется со временем спортивный костюм, этот идеал должен был обеспечить именно немецким молодым людям наибольшую привлекательность в глазах немецких девушек и исключить нежелательные браки последних с представителями чуждой расы.

Новая визуальная интерпретация телесности, ее моделирование приводили к тому, что тело, которое обычно переживается человеком как принадлежащее ему, оказывалось в гораздо большей степени атрибутом внешнего мира. Именно в концлагерях максимально отчетливо, сравнительно с основной территорией Германии, проявлялся социальный смысл тела, которое оказывалось в центре коллективного образа действий, и потому должно было быть стандартизированным в любом своем состоянии – как статическом, так и динамическом. Эта специфическая социализация тела осуществлялась через обращение с ним и за счет влияния изменившегося окружающего пространства. Методы воздействия на него во многом были прежними, применявшимися для остального населения Германии.

Регламентировался даже взгляд заключенных, смотреть полагалось только определенным образом и в определенном направлении. Создавалась так называемая коммуникативная зависимость заключенного⁴⁸. Прямой взгляд, характерный для свободного человека, мог повлечь за собой немедленную смерть. Но Л.Хааг употребляет термин «немецкий взгляд» и применительно к ситуации вне концлагеря, когда в ответ на вопрос люди умолкают и боязливо оглядываются по сторонам. Наблюдается и состояние так называемой «избирательной невнимательности», для которой характерно полное абстрагирование части германского населения от нежелательной информации, в частности, от фактов массового уничтожения в лагерях.

В нацистском искусстве большее внимание телу сравнительно с лицом приобретало концептуальный смысл, поскольку неповторимость, которая выявляется через лицо человека, должна быть полностью исключена, а индивидуум - подчинен государству. Нордический идеал приобрел функцию самостоятельного эстетического символа. Изменение внешнего облика человека, в свою очередь, облегчало моделирование его поведенческих реакций. Стандартно выглядевший человек

⁴⁷ Т. фон Трота, издатель одной из книг Розенберга, называет его первым, кто пишет о женщинах «в здоровом государстве». Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd. 2. Gestaltung der Idee: Reden und Aufsätze von 1933-1935. München, 1937. S.305. Точнее было бы сказать, что он пишет о роли в таком государстве как женщин, так и мужчин.

⁴⁸ См.: Крейдлин Г. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: 2002. С.388.

включался теперь в особый образом организованное пространство. Асимметричность человеческого тела в этом случае подавлялась симметричным пространством.

Построение любого рода в свою очередь, вновь предполагало униформу – концлагерную, военную или стандартизированный национальный костюм, возможно отдаленной эпохи. Подчинение человека, таким образом, оказывалось не только пространственным, но и временным. Впрочем, при всей стандартности облика заключенные по-разному носили униформу. Вестиментарный код при всей абсурдности ситуации действовал и в этой среде.

Второй уровень репрезентативности, костюм, рассматривался не по обычному для XX века критерию – моде, а с точки зрения его целесообразности для здоровья и закаливания. Следование моде классифицировалась отрицательно, как попытка неарийцев произвести благоприятное впечатление, не соответствующее их реальной сущности. В первую очередь, следовательно, мода как способ самовыражения личности отрицалась. Период нацистского господства в Германии характеризуется максимальным распространением для разных профессий униформы как способа и одновременно символа социальной стратификации. В этих условиях особую семиотическую нагрузку приобретал народный костюм, поскольку он служил несомненным признаком носителя немецкой крови.

Одежда эсэсовцев-охранников выполняла аналогичную функцию, но с противоположным знаком. Прежде всего она должна была подчеркнуть внешнюю дистанцированность охраны от заключенных за счет подчеркнутой безупречности и блеска. Однако в обоих случаях тела как охранников, так и заключенных (соответственно сверх- и недочеловеков) теряли идентичность, становились продуктом соответствующих приемов и представлений.

Нацистское нормирование языка было следующим звеном в создании нового типа человека. В этой области также формировалась унифицированная модель, предназначенная не для оптимального выражения мыслей, а сведенная до уровня клише, подтверждающих идеологическую благонадежность и социальную принадлежность индивида. Несомненным является существование по меньшей мере двух уровней применения языка в соответствии со статусом индивида в его нацистском понимании: сверхчеловека и недочеловека.

Из прически, одежды, жестов, языка складывался по принципу противопоставления семиотический образ тел двух типов в пределах одного и того же лагерного пространства.

В.Франкл отмечает, что мечты заключенных чаще всего сводились к еде, разговоры ограничивались обменом кулинарными рецептами. В силу полуголодного существования проблема питания превращалась в лагерях в одну из основных, на ней были сосредоточены мысли заключенных. Наряду со страхом смерти это был ведущий инструмент манипулирования узниками, поскольку недостаточное питание подрывает силы, расшатывает психику, деморализует, и в итоге все поведение заключенных становится подчиненным только одной цели – найти еду. Единственной возможностью преодоления этого тупикового состояния могла быть только психотерапевтическая попытка подняться над ситуацией.

Самым трагичным воздействием на телесность узников, на состояние их здоровья, безусловно, были медицинские эксперименты, часто заканчивавшиеся биологической смертью заключенного. На этом этапе навязываемое или культивируемое внешнее различие переставало быть определяющим, углублялась дистанция между стандартизированным обликом человека и его лицом, бывшие заключенные упоминали об особой, духовной красоте много переживших, но сохранивших достоинство людей. Понимание смерти в этих условиях становилось еще одним критерием для разграничения «своих» и «чужих». Нацистам требовалось приспособить существовавшие представления о смерти к программе уничтожения политических и иных противников, для этой цели создавалась особая модель человека-убийцы, эталоном которого должны были стать СС. При бинарной модели общества с жестким противопоставлением "своих" и "чужих" убийство приобретало сакральный оттенок, представлялось необходимым и законным действием.

Арийские мертвые удаивались надгробного памятника установленного «немецкого» образца, в особых случаях, для героев, предусматривались мавзолеи, которые в перспективе должны были располагаться по границам Германии, создавая мистический рубеж между арийским и неарийским мирами. Жертвы массовых уничтожений могли претендовать в лучшем случае на коллективное захоронение, место которого не фиксировалось, их уделом было забвение.

Идеологическое, а затем и юридическое обоснование планируемой, принудительной смерти означало ликвидацию автономности жизненного цикла человека относительно политической системы. Представления о смерти можно считать идентичными у охранников и заключенных. Биологическая смерть и у нацистов не всегда считалась достаточной, особенно применительно к

политическим и идеологическим противникам, главным оказывалось стирание памяти. Поэтому вначале необходимо было путем дискредитации уничтожить личность, иначе оставалось бы в силе понятие мученической или героической смерти, а в итоге – преодоление смерти-забвения.

Однако благополучие человека не ограничивается его телесностью. Забота только о выживании ограничивала круг интересов узника и постепенно делала его беспомощным перед внезапно менявшейся ситуацией, которую он переставал воспринимать адекватно.

Нацистская модель человека оставалась по существу единой, поскольку одна и та же идеология не может создать условий для вариативности. Вместе с тем биологические критерии, по которым производился отбор, оказывались достаточно неопределенными и оставляли свободу для идеологического и политического маневра. Единая модель была лишена личностных характеристик и помещалась в стандартизированное пространство – от жилых районов с единым типом городской или сельской застройки до унифицированных кладбищ. Общей чертой и непременным условием этих пространств были «арийские» крыши домов или формы надгробий. Сохранялось единство в типе смерти, неестественной в обоих случаях, и в особенностях захоронения, поскольку к обоим вариантам применялись манипуляции с посмертной памятью – ее искусственное возвеличение или столь же искусственное стирание. В обоих случаях происходило отчуждение человека от привычной связи поколений, принудительная идеологизированная иерархизация. В меньшей степени манипулирование касалось рядового населения, стандартизация которого имела ограниченные масштабы и в основном охватывала подрастающие поколения.

В Заключение диссертации подведены основные итоги, сделаны выводы и обобщения

Предложенный в диссертации метод исследования, основанный в первую очередь на использовании системного анализа, позволяет увидеть взаимосвязь отдельных элементов идеологии, их взаимозаменяемость и, что самое основное, рассмотреть механизм действия идеологии и понять иллюзорность ее целостности. Одновременно герменевтика дает возможность представить единство разнородных источников смыслового содержания за счет представления их как единого текста.

Нацистская идеология как феномен характеризуется не столько спецификой входящих в ее состав конкретных идей, сколько методом организации последних в единый действующий комплекс, идеологическую систему. Главная функция этого метода состоит в смещении у адресата идеологии прежних реалистических представлений о пространственно-временных связях, в создании мифологизированных параллельных пространств, охватывающих как живых, так и мертвых. Проблеме пространства в этом случае придается не историческое, а онтологическое значение, опровергается, в частности, система существующих границ. История в целом предстает в виде явления, суть которого – миф расы. Главной целью нацистской идеологии является создание модели человека, максимально пригодного для реализации не ограниченного территориально нацистского «нового порядка». Идея расы, таким образом, в нацистской идеологии полностью заменила идею нации и стала ключом к интерпретации не только германской, но и мировой истории. В ней, по существу, заключалась нацистская философия антиисторизма, временами принимавшая откровенно мистический оттенок. Таким способом закреплялись формы публичной памяти.

Расизм в нацистской интерпретации может оцениваться как вариант запрограммированной эмоции, поскольку приобщение к чему-то гораздо более абстрактному, чем географически понимаемая территория, язык или поведенческие стереотипы населения могло быть в этом случае лишь спекулятивным. Это обусловило преобладание иррационального элемента в структуре идеологии, широкого обращения к мифу. Категории пространства и времени как непременные составляющие этого мифа приобрели черты архетипов, уже не ориентированных на современность. В перспективе это привело к неадекватному восприятию действительности и, как следствие, крушению искусственно сконструированной системы ценностей.

Уровень рациональности выдвигаемой идеи обычно обратно пропорционален хронологической отдаленности избираемого для этой цели идеала, и зависит от того, насколько сознание может ориентироваться на факторы, реально не содержащиеся в окружающем бытии. В тех случаях, когда идеальное прошлое практически не корректируется исторической памятью населения, происходит переключение восприятия на интуитивный уровень, и огромное значение приобретает знаковая система, которая помогает заполнять возникающие лакуны.

Заданное изначально искажение связей между нацистскими теорией и практикой обеспечивается своеобразным взаимодействием подсистем в создаваемой таким образом сложной системе. Их

прямое соответствие воспринималось бы обыденным сознанием как разоблачительное для режима, поэтому дается их косвенное выражение, через иррациональные показатели.

Превращение происходит на определенном уровне развития системы и призвано скрывать фактический характер этих внутренних отношений, подменяя их прямую взаимосвязь косвенной. Все элементы идеологии как системы вступают между собой в определенные, уже не контролируемые отношения и производят эффект их внешнего выражения.

В литературе и части мемуаров перспективы воздействия нацистской идеологии временами преувеличены, представляются существенно глубже и продуманнее, чем это было в действительности. Особенно это касается нацистских возможностей воздействия на личность в условиях концлагерей. Однако лагеря были, с одной стороны, пространственно изолированными, и их опыт не мог быть примененным в условиях открытого пространства Германии, а с другой - и заключенные, и охранники были обычными людьми, и при анализе их поведенческих реакций необходимо учитывать значительный элемент случайности, обусловленный особенностями характера тех и других, интеллектуальным уровнем и просто низменными побуждениями, а не воздействием идеологии.

Мнимая цельность идеологии, достигаемая за счет знаковой системы, воспринимается мемуаристами как истинная. Возникает двойная картина: пережившие концлагерь видят отлаженную и совершенную систему там, где зачастую было лишь столкновение амбиций и переплетающихся взаимных расчетов. В единое целое объединялись идеи, находившиеся на разных стадиях их содержательного развития, во временном диапазоне от древности до XX века. В этом случае лишь при помощи знаковой системы достигается видимость единства.

В создаваемом обществе конкретный человек имел право на существование лишь в том случае, если полностью подчинялся идеологическим установкам, утрачивая индивидуальность. Для нацистского общества был характерен скрупулезный учет каждого конкретного человека с целью его идентификации с собственной или враждебной группой. В соответствии с этим присутствовало понятие лишь коллективной, но не индивидуальной вины и коллективной же ответственности. Личности как таковой не существовало. Это касалось человека во всех его проявлениях. Политически он уничтожался вместе с ликвидацией политического пространства, социальная его активность подменялась расовым соответствием, которое постепенно находило пространственное выражение. Наконец, тщательно регулировался жизненный цикл человека, особенности его смерти и посмертной судьбы. Смерть в нацистском обществе выступала регулятором общественных отношений.

Нацистские сочинения признавали сверх- и недочеловека, в зависимости от количества в нем арийской крови, но тоже лишь как элемент определенной общности. Более того, как и в условиях родовых отношений, деятельность индивида приобретает цену лишь постольку, поскольку она вплетается в деятельность всего рода. В нацистской идеологии такой была связь «нового человека» и «нового порядка», представлявшая пространственно-временной континуум, располагавшийся в большей степени в сознании населения, чем в реальном измерении, и базирующийся на контаминации трех основных идей – расизма, геополитики и милитаризма.

Идеология испытывает на себе двойное воздействие: приспособление к практике и к адресату. В итоге идеология так и не приобретает завершенности, не составляет единого целого.

Знаковость, особенно языковая, способствовала еще большему размыванию идеологии, поскольку слово, как и любой другой символ, расшифровывалось в широком диапазоне значений. При переводе идей в натуралистический вариант возникает, с одной стороны, обеднение в знаковом смысле, а с другой - расширение этого смысла за счет вмещения в один-единственный символ всего объема нужных идеологических клише

Зависимость идеологии от конкретных целей и действий продолжается и после 1933 г., когда попытки реализации готовых идеологических постулатов вызывает необходимость корректировки последних на уровне ситуативности. В практической, реальной, концептуальной целостности идеологии не было смысла - это лишило бы ее ситуативности как необходимого инструмента действия. Иллюзорная целостность поэтому достигалась за счет обращения к космизму. В конечном итоге реальная история превращалась в «вечное возвращение» двух рас, каждая из которых претендовала на «избранность», и обе боролись за овладение Вселенной.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монография:

1. Макарова Л.М. Идеология нацизма. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – 174 с.

Статьи, опубликованные в ведущих научных журналах:

2. Макарова Л.М. Нацистская концепция человека и методы ее реализации //Человек. 2003.- №3. - С.94-107.
3. Макарова Л.М. Идеологическое конструирование социальной структуры нацистского общества. /Л.М.Макарова //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск "Философия и история". - Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2005. - С. 110-115.
4. Макарова Л.М. Междисциплинарность в изучении нацистской идеологии (историографический аспект проблемы). / Л.М.Макарова //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск "Философия и история". - Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2005. - С. 104-110.

Статьи:

5. Макарова Л.М. Смерть в мировоззрении национал-социализма /Л.М.Макарова //Смерть как феномен культуры. – Сыктывкар: СыктГУ, 1994. С.142-151.
6. Макарова Л.М. Язык и идеология в фашистской Германии (историографический аспект проблемы) / Л.М.Макарова //Социально-политические проблемы в истории зарубежных стран. Сыктывкар: СыктГУ, 1994. С. 137-148.
7. Макарова Л.М. Псевдорелигиозные параметры идеологии германского фашизма / Л.М.Макарова //Вестник Сыктывкарского университета. Вып. 1. Серия 8. Сыктывкар: СыктГУ, 1995. – С.44-48.
8. Макарова Л.М. Связь идеологии и практики во внешней политике германского фашизма (историографический аспект) / Л.М.Макарова //Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Межвузовский сборник. Сыктывкар: СыктГУ, 1996. С.117-131.
9. Макарова Л.М. Иррациональные аспекты фашистской разновидности германского национализма / Л.М.Макарова //Национализм, консерватизм и либерализм в новой и новейшей истории Запада. Межвузовский сборник. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1996. С. 32-37.
10. Макарова Л.М. Творческая интеллигенция в условиях фашистского режима в Германии / Л.М.Макарова //Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. - М.: Эдиториал УРСС, 1996. – С. 173-185.
11. Макарова Л.М. Интеллигенция и власть в Германии 1933-1945 гг. /Л.М.Макарова //Интеллигенция и власть. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 136-146.
12. Макарова Л.М. Нацистский «новый порядок» как реализация имперской идеи / Л.М.Макарова //Империи нового времени: типология и эволюция (XV-XX вв.) Вторые Петербургские кареевские чтения по новистике 1977 года. Краткое содержание докладов. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С.373-376.
13. Макарова Л.М. Идеология нацизма: основные аспекты создания и функционирования / Л.М.Макарова //Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – Вып. 7. –М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 108-135.
14. Макарова Л.М. Идеология нацизма как знаковая система / Л.М.Макарова // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. Москва, 4-6 дек. 2001 г. – Ч.2. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С.21-26.
15. Макарова Л.М. Человек за колючей проволокой (личность в условиях нацистских концлагерей). //Мир за колючей проволокой: лагерь как атрибут тоталитарного режима. Материалы российско-германского семинара. – Воронеж: ВГПУ, 2002. С.5-58.
16. Макарова Л.М. Нацистская трансформация национальной идеи в Германии (1920-1945) / Л.М.Макарова //Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сб. науч. Трудов. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 279-293.
17. Макарова Л.М. Нацистская концепция «европейского дома» / Л.М.Макарова //Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV-XXI вв.) Третьи Петербургские кареевские чтения по новистике. 6-9 декабря 1999 г. Краткое содержание докладов. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. – С.243-246.
18. Макарова Л.М. Человек в пространственно-временном мире нацистских концлагерей / Л.М.Макарова //Ежегодник историко-антропологических исследований 2001/2002. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2002. – С. 99-113.

19. Макарова Л.М. Национал-социализм в гендерном измерении //Адам и Ева. Альманах гендерных исследований. № 3. Москва: ИВИ РАН, 2002. С. 113-132.
20. Макарова Л.М. Реализация стереотипов «мы» - «они» в нацистской практике / Л.М.Макарова //Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб, СПбГУ, 2002. – С. 34-36.
21. Макарова Л.М. Человек в нацистском «новом порядке» /Л.М.Макарова // Философский век. Альманах. Вып. 22. Науки о человеке в современном мире. Материалы международной конференции, 19-21 декабря 2002 г. Санкт-Петербург. Часть 2. –СПб: СПбЦИИ, 2002. – С. 293-299.
22. Макарова Л.М. СС в структуре нацистского общества //Clio Moderna. Зарубежная история и историография: Сборник научных статей. Вып.4. Казань, Изд-во «Мастер-Лайн», 2003. – С. 161-176.
23. Макарова Л.М. Гендерная визуализация в германском кино XX в. / Л.М.Макарова //Гендерная теория и историческое знание: Материалы международной научно-практической конференции. 24-25 сент. 2003 г. – Сыктывкар, СыктГУ, 2003. – С. 47-51.
24. Макарова Л.М. Функция знаковости в формировании идеологии нацизма //Символ в системе культуры: символические миры и знаковые системы. Сыктывкар, СыктГУ, 2004. - С.36-40.
25. Макарова Л.М. Геноцид в истории нацизма / Л.М.Макарова // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сб. науч. Трудов. – Вып. 2. (специальн.) – Воронеж: «Истоки», 2005. – С. 103-107.
26. Макарова Л.М. Культурная самоидентификация нацизма / Л.М.Макарова // Семиозис и культура. Сб. научн. Статей. Сыктывкар, 2005. – С.112-118.
27. Макарова Л.М. Междисциплинарность как метод изучения реакционных идеологий / Л.М.Макарова // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». Материалы научной конференции 28-29 апреля 2005 г. – М.6 ИВИ РАН, 2005. – С. 81-83.